

КАЛИНСКАЯ В. Я. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КАЛИНСКАЯ Вера Яковлевна, родилась в 1870 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию и несколько курсов консерватории, училась пению и музыке, с 1914 — выступала певицей в концертах. С 1917 — работала машинисткой в конторе, с 1920 — машинисткой в трудовой школе Петрограда, в 1921 — серьезно заболела, долго лечилась, затем работала машинисткой. С 1932 — после увольнения давала частные уроки иностранных языков, пения и музыки. В марте 1935 — выслана в Калинин на 5 лет, затем переведена в деревню Хромцово Калининской области, была безработной. В августе 1935 — просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«18/VIII 35 г<ода>.

д<еревня> Хромцово, 7

Многоуважаемая
Екатерина Павловна!

Решаюсь обратиться к Вашей помощи, так как много слыхала о Вашей сердечной отзывчивости, с которой Вы отнеслись к обратившимся к Вам.

24 Марта с<его> г<ода> я была выслана из Ленинграда, места моего постоянного жительства (мой прадед, дед и родители — коренные жители Ленинграда), в Калинин, кот<орый> я сама выбрала, т<ак> к<ак> туда же уезжали мои знакомые, кот<орые> и уговорили меня ехать вместе. Из Калинина нас выслали в д<еревню> Хромцово, Калин<инской> обл<асти>, где я и нахожусь сейчас в очень тяжелых условиях, т<ак> к<ак> средства, собранные мной для выезда, приходят к концу, занятий здесь иметь нельзя, а жизнь страшно дорогая, платили за керос<ина> литр — 3 руб<ля>. Что дальше делать, решительно не знаю! Документы нам не выдали до сих пор.

6 Мая я послала Заявление в Прокуратуру Союза ССР (Дмитровка, 15) с просьбой о пересмотре моего дела. До сих пор ответа никакого нет! Здоровье мое неважно: довольно сильный невроз сердца (определение врача Нижегородской тюрьмы), сильное переутомление глаз (я служила машинисткой), надо лечить зубы — воспаление надкостницы, и растяжение мышц в пояснице и ниже (надорвалась) — лечение синим светом; 3 последние болезни лечила в Поликлинике Водников, куда подлежала по месту службы (против Николаев<ского> моста, Ленинград). Все эти болезни усилились, т<ак> к<ак> здесь никакое лечение невозможно. Я совсем одинока, 65 лет. В Ленинграде остались все друзья и знакомые, кот<орые> пришли бы мне на помощь!

При обыске у меня ничего не нашли, кроме старых царских фотографий в альбомах моих родителей, да еще вырезали из рамы большой портрет масл<яными> краск<ами> прадеда (работы известного художника того времени), в форме какого-то ученого учреждения с лентой, где он служил и кем, не знаю, был каким-то профессором, фамилия не наша — Кайданов — отец отца моей бабушки, матери моего отца. Я родилась после смерти всех прадедов, дедов и бабок. Мой дед (отец отца) был художником.

Я — дворянка, совершенно одинокая; вина моя только в том, что родилась в царское время. Отец мой служил чиновником (профессор: хирург, окулист и терапевт); за ликвидацией его отделения вышел в отставку в 1887 году. Во время службы и после до самой смерти был научным работником, учредителем, почетным членом и деятельным работником Вольного Эконом<ического>, Птицеводного и Пчеловодного

Обществ! Много его трудов напечатано отдельным изданием в Сельско-Хоз<яйственных> журналах. Имел за даровые на пользу науки зол<отые>, сер<ебряные> медали и похвальные листы, кот<орые> у меня видели при обыске. Скончался он в 1909 г<оду>, а мать — в 1910 году. Я служила с 1914 года, но с перерывами, поэтому не имею стажа. Образование мое — гимназическое, училась на многих курсах. Больше 5 лет училась пению и музыке, выступала певицей. С 17 года служила машинисткой в различн<ых> учреждениях; имела свою пиш<ущую> машину, на кот<орой> много прирабатывала дома. В 1920 году поступила машинисткой со своей машинкой в Труд<овую> школу, где заболела аппендицитом и была отпущена в отпуск на 6 недель. За это время машину у меня реквизируют. Затем, с промежутками, серьезно хворала, служила до 32 года, когда по ликвидации была освобождена от службы. Затем захворала моя сестра (переводчица — корреспондентка — машинистка), пенсионерка, скончалась, и я осталась совсем одна. На службу больше не поступала, т<ак> к<ак> глазной доктор Протопопов (Поликлин<ика> Водников) запретил работать на машинке. Все время давала уроки иностранных языков (франц<узского>, нем<ецкого>, англ<ийского>), музыки и пения и подготавливала детей.

Политикой — ни я, ни мои родители, деды, прадеды и родные никогда не занимались и под судом не были.

Прошу Вас посодействовать ускорению пересмотра моего дела; подходит осень, жить здесь невозможно, а средств нет никаких. Только что получила известие, что оставшиеся вещи расхищаются, а я отсюда ничем не могу помочь!

Мое единственное желание — вернуться в Ленинград, прожить там недолгие годы, кот<орые> мне осталось жить, и там умереть.

Простите меня за беспокойство, заставило безвыходное положение.

Мой адрес: п<очтовое> о<тделение> Раменки, Калининская обл<асть>, д<еревня> Хромцово, 7.

Вера Яковлевна Калининская»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1238. С. 172-173. Автограф.